

Научная статья

УДК 101.1: 316.77 + 141.319.8 + 159.964.2

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-64-78

Интерпассивность и психоаналитическая теория: смещение смысла под влиянием дискурса аутентичности и критики идеологии

Иван Сергеевич Кудряшов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

i.kudriashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Аннотация

Понятие интерпассивности играет важную роль в понимании взаимодействия современного человека и медиа, этим объясняется рост его использования в последние два десятилетия. Однако популяризация ведет к трансформации понимания данной концепции или смешения ее с другими. По нашему мнению, важно сохранить оригинальное значение данной проблематики. Анализ основных элементов концепции у Р. Пфаллера и С. Жижека демонстрирует эвристическую ценность подобного «консерватизма», ограничивающего смещение тематических акцентов. Влияние других понятий (аутентичности и отчуждения) ведет к упрощению проблематики интерпассивности, поскольку в таком случае это понятие больше не обращает наше внимание на те аспекты, которые плохо различимы в оптике гуманистического дискурса и социальной критики. Напротив, сохранение оригинальной интерпретации позволяет включить в рассмотрение целого ряда проблем отношений человека с современными медиа, вопросы удовольствия, бессознательных фантазмов и верований.

Ключевые слова

Пфаллер, Жижек, интерпассивность, философия медиа, философская антропология, социальный ритуал, отчуждение, психоанализ, аутентичность

Для цитирования

Кудряшов И. С. Интерпассивность: истоки и эволюция понятия // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 1. С. 64–78. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-64-78

© Кудряшов И. С., 2023

Interpassivity and psychoanalytic theory: Transformation of the Meaning under Influence of discourse of Authenticity and Ideology Theory

Ivan S. Kudryashov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

i.kudryashov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3877-8953>

Abstract

The concept of interpassivity plays an important role in understanding the interaction of contemporary human and media; this explains the growth of its usage in the last two decades. However, popularization leads to a transformation in the understanding of this concept or its confusion with others. In our opinion, it is important to preserve the original meaning of this issue. An analysis of the main elements of the concept by R. Pfaller and S. Zizek demonstrates the heuristic value of such “conservatism”, which limits the shift in thematic emphasis. The influence of other concepts (authenticity and alienation) leads to a simplification of the interpassivity, since in this case this concept no longer draws our attention to those aspects that are poorly distinguishable in the optics of humanistic discourse and social criticism. On the contrary, the preservation of the original interpretation makes it possible to include issues of pleasure, unconscious fantasies and beliefs in the consideration of a number of problems of human relations with contemporary media.

Keywords

Pfaller, Zizek, interpassivity, philosophy of media, philosophic anthropology, social ritual, alienation, psychoanalysis, authenticity.

For citation

Kudryashov I. S. Interpassivity: Origins and Evolution of the Concept. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 1, p. 64–78. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-64-78

Появление новых информационных технологий обычно проходит путь от необычной новинки, на которую обращают повышенное внимание, до привычного элемента быта, обрастающего повседневными практиками. В переходе к привычности одни медиа вытесняют другие, а также возникает целый ряд новых культурных практик, которые меняют и самих людей. В этой точке философия медиа встречается с философской и научной антропологией, а также с психологическим знанием. Один из необычных феноменов, связанных с медиа, был зафиксирован в 80–90-е годы XX века: специфическое обращение с записывающими устройствами (первоначально с видеомэгнитофоном), которые «освобождают» нас от необходимости смотреть записанное так, словно «они делают это за нас» [Пфаллер, 2018]. Вскоре исследователи обратили внимание на различные феномены отложенного и скрытого удовольствия как в прошлом, так и в современном медиатизированном настоящем. Им было дано название «интерпассивность», которую можно кратко определить как интерсубъективный акт «делегирования» личных переживаний другим людям или вещам. Впоследствии это понятие стало активно

применяться для изучения как влияния новых медиа, так и в более широких контекстах понимания культуры.

Однако рост его популярности привел к тому, что под интерпассивностью многие философы, медиатеоретики и арт-критики стали понимать то частное проявление отчуждения, то один из эффектов интерактивных медиа, а то и вовсе сеть классических проблем гуманизма (о возможности свободы и достоинства человека в современном мире). Подобное смещение можно найти у многих исследователей, использовавших термин после Пфаллера и Жижека, например, таких как Йошида [Yoshida, 2010], Ягодзински [Jagodzinski, 2010], Кулдова [Kuldova, 2016; 2018], Рошка [Рошка, 2018], Лаптинова¹ и др. На наш взгляд, обращаясь к предпосылкам и становлению данной концепции, можно показать как неточность таких смещающих рецепций, так и ценность изначальных тематических связей внутри концепции интерпассивности. Иными словами, чтобы не допустить размывания и искажения смысла понятия, нам стоит детально прояснить его, что позволит убедиться в ненужности его совмещений с концептуальными схемами из дискурса подлинности, критики идеологии, гуманизма и др.

В противном случае мы получаем странную картину: используется новое понятие «интерпассивность», но в итоге оно означает то, что уже концептуально схвачено понятиями «идеология», «отчуждение», «неаутентичное существование», «потребительство» и т. д. Безусловно, интерпассивность связана с элементами критики современности, но зачем сводить ее, например, до концептуальных ходов «ложного сознания», если она предлагает нам новые, совершенно другие? Сохранение связки интерпассивности с концептуальным аппаратом психоанализа и идеями Пфаллера и Жижека позволяет обнаружить те элементы для анализа, что недоступны критике идеологии или дискурсу подлинности – прежде всего элементы удовольствия, страдания, бессознательной веры и фантазмов, а также того самого интересубъективного элемента, который отличает данный феномен.

На наш взгляд, подход Пфаллера и Жижека нужно не только сохранить, но и развить, интерпретируя интерпассивность как указание на специфическую организацию удовольствия субъекта, а не его лишение/отчуждение. Это позволяет объяснить повторяемость подобных феноменов в жизни людей. Сам подход мы считаем довольно удачным и в интерпретации других современных явлений, а также в области антропологического исследования [см. например, Кудряшов, 2021]. И напротив, подключение дискурса разоблачения (идеологии) у современных критиков медиа (в том числе таких как Кулдова, Ягодзински, Рошка) не просто не дает понимания того, как еще можно работать с интерпассивными феноменами, но и блокирует рефлексию в этом направлении. Вот почему так важно разобраться с этим понятием и сохранить его оригинальную интерпретацию.

¹ Лаптинова Ю. И. Параструктурность интерпассивной социальности (21.01.2013). Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов (www.jurnal.org). URL: <http://www.jurnal.org/articles/2013/filos1.htm> (дата обращения: 13.11.2022).

Определение понятия интерпассивность

Интерпассивность можно определить как интерсубъективный психический феномен, выражающийся в «делегировании» личных переживаний другим людям или вещам. Интерсубъективный характер такого делегирования как раз и заключается в том, что он предполагает символическое действие, которое затем присваивается и превращается в индивидуальное переживание. При этом данный феномен имеет массовый характер и не является психологической девиацией. Понятие интерпассивность образовано по аналогии с термином «интерактивность», однако его не следует определять просто как противопоставление. Интерактивность, присущая новым медиа, в какой-то степени лишь выявляет род инверсии – опыт, в котором я не действую (активен), а переживаю (пассивен) нечто, что отличается от чисто субъективного опыта. В таком случае противопоставление между интерактивностью и интерпассивностью возможно только через понимание последней как реактивного феномена, но отнюдь не всякая интерпассивность порождается интерактивными медиа (об этом в примерах далее). Интерпассивность также может быть определена как особый способ обращения с отчуждением, при котором бессознательно присваивается определенное переживание, размещенное в другом. При этом не следует отождествлять интерпассивность и отчуждение, поскольку это не просто разные механизмы, но и в каком-то смысле противостоящие друг другу (интерпассивность – не само отчуждение, а попытка с ним справиться). Интерпассивные феномены могут происходить спонтанно (например, реакция на упавшего человека, как будто это случилось с нами), но чаще воплощаются в индивидуальном (невротическом) или общепринятом ритуале.

Впервые в таком значении термин² использован философом Робертом Пфаллером в 1996 году в докладе «Смех из-за угла. Кураторы избавляют нас от искусства, видеомэгнофон смотрит за нас наши любимые фильмы: Заметки о парадоксе интерпассивности» на конференции «Вещи, которые смеются за нас» (*Die Dinge lachen an unsere Stelle*), а затем станет ключевым в монографии 2000 года «Интерпассивность: Исследования делегированного удовольствия». В этом докладе появился парадигмальный пример интерпассивности: запись на видеомэгнофон любимых передач без последующего желания просмотра, «как если бы» видеомэгнофон смотрел их за нас, передавая нам толику удовольствия. В работе «Ради чего стоит жить. Начала материалистической философии» (*Wofür es sich zu leben lohnt: Elemente materialistischer Philosophie*) [Пфаллер, 2018] в близком значении Пфаллер будет использовать понятие «анонимное воображение».

Схожий феномен описывали и ранее, обращая внимание на своего рода «оправдания» для субъекта: например, Умберто Эко отмечал, что ксерокопии текстов для диссертации успокаивают, словно обладание ими равно опыту прочтения самого текста [Эко, 2003]. А распространение фото- и видеокамер лишило многих людей привычки запоминать вещи такими, какими они кажутся нам, а не объективному регистратору³. Но по мысли Пфаллера интерпассивность

² Более ранние использования этого термина связаны с арт-группами, но теоретического значения не имеют.

³ В фильме «Шоссе в никуда» (1997) Дэвида Линча главный герой говорит, что у него нет личных фотографий и видеозаписей, потому что предпочитает помнить всё по-своему.

включает и бездействие (пассивность), и символическое действие (интерсубъективное делегирование, а затем присвоение), позволяя получать удовольствие (или иной опыт) посредством активности других. Как отмечает исследователь Гийс Ван Унен (Van Oenen) определенное противоречие, заложенное в само понятие, требует трансгрессивного способа анализа: интерпассивность призвана выявить то, что обычно оказывается скрытым, непубличным [Van Oenen, 2014]. В самом деле приставка «интер» обычно предполагает обмен или возможность разделить некий опыт, но можно ли обмениваться пассивностью? Для этого она сама должна быть превращена в объект скрытых или бессознательных актов/обменов. Так, например, работает закадровый смех в телекомедиях: даже если сам зритель не смеется, он постепенно приобретает эффекты просмотра смешного фильма, что создает субъективное ощущение отдыха.

Начиная с 1998 года (доклад «Интерпассивный субъект» в Центре Жоржа Помпиду) интерпассивность будет активно использоваться в своих работах философ Славой Жижек, благодаря чему понятие получит дальнейшее распространение. Жижек станет включать в понятие не только переживания (удовольствия / неудовольствия), но и верования. Также он предложит другие яркие примеры интерпассивности: тибетский молебельный барабан, закадровый смех, профессиональные плакальщицы, Ой-реакция на падение других людей [Жижек, 2005]. Эти примеры позволяют увидеть, что, хотя другие люди или устройства действуют и даже верят «за субъекта», он при этом получает эффект «как если бы» действовал или переживал сам (например, молитва прочитана, удовольствие от просмотра телешоу получено). В отечественном интеллектуальном пространстве это понятие появится благодаря одноименной небольшой работе Жижека, опубликованной в серии «Лакановские тетради» [Там же]. Стоит отметить, что именно Жижек, используя пример с видеомэгнитофоном, в явной форме обратил внимание на тот факт, что интерпассивность часто связана не с («делегированным») удовольствием от обладания / просмотра, а с удовольствием от облегчения, получаемого при ускользании от требования не только смотреть, но и получать удовольствие (ведь иначе время потеряно впустую, а это ведет к угрызениям совести, особенно в современном мире с его озабоченностью эффективностью). Здесь Жижек явно использует идеи психоаналитика Жака Лакана, различающего желание, требование, удовольствие и наслаждение. И это важный аспект, так как делегированным может быть не только удовольствие, но и страдание (оба эти аспекта объединены в концепте «наслаждение» у Лакана): например, современные пользователи социальных сетей очень много, как им кажется, страдают в ответ на чужие описания личных проблем и травм, но на деле в этом акте можно увидеть и интерпассивную форму страдания (за меня страдают и пишут об этом другие, пока я трачу свои силы и время на что-то другое).

Истоки концепции интерпассивности

Зачем понадобилось это понятие и в чем его ценность? Пфаллер вводит его как провокацию, указывающую на излишнюю озабоченность современной теорией образом активности и деятельного субъекта. По его мысли проповедуемая

в медиа гиперактивность лишает современного человека удовольствия: в одних случаях, потому как он просто не видит место для него, в других – прямым образом, создавая у него тревогу при бездеятельности, созерцательности и других формах пассивного опыта. Позже Пфаллер отмечал, что интерпассивность – логичное продолжение психоаналитического исследования повседневных ритуалов и культурных практик (понятие «фантазия» у Зигмунда Фрейда). Например, многим современным субъектам известно странное успокоение, даже удовлетворение от того, что они сохранили у себя интересный текст или картинку, сделали на репост подборки книг или полезных ссылок. Пфаллер обращает внимание, что это удовольствие как бы уже получено внешним образом, именно поэтому часто потом мы не читаем эти книги.

Сам Пфаллер – довольно оригинальный мыслитель, малоизвестный в России, в том числе из-за небольшого количества переводов на русский. В первом приближении его можно назвать философом, на которого оказали большое влияние психоанализ, философия Ницше, антигуманизм Альтюссера, а также эпикурейская и шире материалистическая традиция. Во многих работах он выступает за значимость удовольствия, глупости и безрассудства в жизни общества, считая это именно политическим вопросом. Пфаллер – критик современных дискурсов, которые в разных формах навязывают инфантилизм, искореняя то, что он назвал «взрослый язык». Так, по его мнению, борьба за права индивидуальности на Западе давно превратилась в извращенный патернализм, заботливо ограничивающий всякий негативный опыт граждан. Интерпассивность как род делегирования при этом не снимает ответственности с агента, что напрямую перекликается с мыслью Фрейда о необходимости принять ответственность в том числе за те верования и убеждения, которые мы разделяем и осуществляем бессознательно.

Более того, для Пфаллера важны также антропологические исследования, ведь они позволяют лучше понять природу интерпассивной передачи собственных действий и чувств чему-то внешнему – людям или объектам. Вслед за Марселем Моссом и Жоржем Батаем он обращает внимание на то, что внутри всякого общества происходят обмены не только ресурсами, но и символическими действиями (часто через дары), часть из которых напрямую затрагивает удовольствия и верования. У него можно найти пассаж, в котором он сравнивает носителя магического мышления с цивилизованным человеком явно не в пользу последнего. Тот, кто использует куклу вуду или приворотное зелье знает, что он совершает магические действия, цивилизованный же человек, за которого контентом «наслаждаются» видеомэгафон, копир, память компьютера – не знает, что он делает на самом деле [Пфаллер, 2018]. Ведь у современного человека помимо рефлексии есть идентификации (например, с носителем западной цивилизации и ее ценностей), которые создают «слепое пятно» в самообъяснении. При этом «взрослый опыт» по его мысли отнюдь не связан с избытком рациональности. Для Пфаллера в выработке понятия «интерпассивность» было важно и обращение к идеям Йохана Хейзинги: культура проводит разделение на взрослое и детское/инфантильное не через разграничение серьезности и игры, а через создание пространства для серьезных, взрослых игр.

Опору для таких игр и культурных ритуалов он обнаруживает в феномене, очень близком по смыслу к интерпассивности – в так называемых «иллюзиях без владельца». Отталкиваясь от дефиниции психоаналитика Октава Манони, различавшего два вида веры (*foi* и *croiance*), Пфаллер выделяет род фантазий, с которыми никто не отождествляется. Как, например, в бытовых мифах или общепринятых конвенциях, когда ни дети, ни родители не верят в Деда Мороза, но никто не протестует против действий согласно такой вере. Более того, суть таких иллюзий не в том, что они ничьи, а в том, что они продолжают работать «вопреки лучшему знанию», т. е. без рационального основания. Реальным основанием для них является убеждение в (потенциальном) существовании наивно-го носителя такой веры. Как отметит впоследствии Жижек, в опыте людей очень много подобных элементов, которые очень часто звучат в речи как расщепление типа «я знаю (что это глупо), но (делаю)».

Таким образом, уже в своих предпосылках концепция интерпассивности была в большей степени направлена не на объяснение только лишь взаимодействия человека и медиа, в оптике «делегированного удовольствия» получает свое объяснение более широкий спектр действий и убеждений людей на фоне их культурного, интерсубъективного бытования.

Становление понятия интерпассивность

Итак, как можно заметить из истоков концепции, понятие интерпассивности позволило расширить теоретические взгляды на те формы символических, ритуальных или аффирмативных действий, которые остаются «за кадром» нашего сознания как в силу их привычности, рутинности, так и благодаря убеждению, что какое-то простое объяснение этих действий есть в культуре (раз многие поступают так – значит в этом есть смысл, даже если он мне неизвестен). Субъект в таком случае как будто просто экономит мышление, освобождая себя от ненужных рефлексий. Однако уже психоанализ описывает часть таких актов, как алиби или рационализации, которые позволяют не сталкиваться с истинной своей позицией в данном действии или ситуации. Поэтому суть интерпассивности изначально в том, что есть вещи, которые можно «делать», формально бездействуя на фоне действующего другого. Или как сформулирует это Жижек в заглавии своей работы: у нас есть способ наслаждаться (т. е. получать пассивный опыт, не обязательно приятный) посредством Другого. Стоит заметить, что в работах Жижека речь идет именно о лакановском Большом Другом, хотя большая часть случаев интерпассивности касается воображаемых зеркальных отношений с (маленьким) другим. У Пфаллера же обычно идет речь об образе другого человека.

В ходе развития концепции интерпассивность как понятие активно использовалась в трех ключевых темах. Во-первых, интерпассивность как контрапункт к теоретизациям вокруг интерактивности. В теории медиа интерпассивность должна была подчеркнуть то, что наши взаимодействия с новыми технологиями не только расширяют зону активности (например, через возможность записать то, что раньше было недоступно), но и зону пассивного опыта. Интерактивность предполагает, что сам субъект должен подключиться к информации или объек-

ту, чтобы они приобрели законченность. Тогда интерпассивность – это указание на то, что некоторые вещи (например, классические произведения искусства) вполне существуют и никак не страдают, даже если я остаюсь пассивен – не знаю их или не понимаю.

Тяготение новых медиа к интерактивности зачастую оборачивается особой формой пассивности – пассивности интерсубъективной (которую, впрочем, стоит отличать от пассивности коллективной). Ведь если интерактивность сводится к предложенным выборам – в духе голосования за заранее предложенные варианты (например, в интерактивном кино), то с точки зрения субъекта это опыт, в котором он из выбирающего превращается в инструмент выбора. Ты просто должен нажать на кнопку, чтобы процесс продолжался, а то, чего ты хочешь на самом деле – никого не интересует. Однако и в этой ситуации субъект способен найти «вторичную выгоду» или прибавочное удовольствие: если от меня ничего не зависит, следовательно, я свободен и от целой серии требований – отвечать за что-то (потенциально быть виновным), получать удовольствие, быть сознательным и моральным субъектом и т. д.

Во-вторых, интерпассивность очень скоро стала пониматься как феномен, собирающий воедино культурные проявления делегированного опыта и общепринятых фантазмов («иллюзии без хозяина» по Пфаллеру). В таком качестве это понятие позволило обнаружить скрытые предпосылки повседневных ритуалов. Уже Фрейд отмечал необходимость быть внимательным к устойчивым фигурам речи и индивидуальным ритуалам. Так, Пфаллер обнаруживает странную рамку для идей, которые воспринимаются как иллюзии, но остаются анонимными. Это фразы в духе «Я знаю, что это глупо, но ... (я это делаю, я в это верю, я хочу знать)». Кто-то интересуется спортом, гороскопами и политическими выборами, кто-то поддерживает ритуалы вокруг Деда Мороза, кто-то верит в приметы, саморегуляцию рынков и историю в учебниках. «Похоже, это именно тот случай, когда иллюзии ... действительно важны: они, очевидно, не являются личными иллюзиями; таким образом, они принадлежат другим. Но кто эти другие? Дети? Предки? Дураки?» [Пфаллер, 2018, с. 77] – спрашивает Пфаллер. Похоже здесь мы имеем дело с самой формой иллюзии, для которой не найти каких-либо верующих. Эти иллюзии на первый взгляд кажутся иллюзиями других, но при близком рассмотрении оказываются иллюзиями без предметов. Их создает ритуал, а ритуал создается симптомом и коренящемся в нем наслаждением. То есть это то, что делают ради того, чтобы делать – и лишь затем постфактум объясняют. Нельзя не заметить, что, игнорируя элементы наслаждения в этом понятии, мы будем вынуждены искать смысл там, где его, возможно, нет.

И в-третьих, с подачи Жижека интерпассивность также стала моделью, описывающей возникновение субъекта в лакановской версии психики. Жижек высказал предположение о том, что такой опыт широко распространен потому, что сам переход от первоначального состояния к субъективации опыта происходит именно по модели интерпассивности. С точки зрения психоанализа новорожденный ребенок в силу слабой приспособленности в первые месяцы выступает в качестве объекта для взрослых, но как и когда возникают структуры субъективности? Это непросто объяснить без традиционного эссенциализма, когда в природу челове-

как вкладывается род телеологии – мол, в каждом есть механизм саморазвития, в коем заложен будущий активный субъект. Здесь всегда есть парадокс предвосхищения: чтобы реализовать активность, нужно уже быть субъектом этой активности (тем, кто целенаправленно, выбирает способ действия, оценивает результат), но как внутренне стать субъектом, не имея опыта активности, будучи объектом чужих действий (уход и слова окружающих)?

Жижек предлагает по-своему элегантное решение: субъект возникает не в тот момент, когда ребенок окажется способен взаимодействовать с вещами мира и артикулировать в языке свои желания, а на этапе, предшествующем этому. Раскол появляется в тот момент, когда ребенок накапливает достаточный опыт фрустрации, позволяющий разделить свою потребность и действия Другого. Таким образом, у того, кто выступал объектом, появляется желание, но еще нет действия его воплощающего. Чтобы связка желания и действия появилась, нужен логический промежуточный шаг: момент интерпассивности, в котором от представления «Другой это делает за меня» субъект мысленно переходит к «это делается мной через Другого». Подобный ход мысли по-своему предопределен тем, что пока еще ребенок не знает других желаний, кроме своих. Открыть факт, что у матери (Другого) есть какие-то еще неизвестные (не только ребенку, но порой и ей самой) желания – ему еще только предстоит. Таким образом, интерпассивность – это и есть первый шаг в субъективации: представить себя тем, кто делегирует свое удовлетворение другому. Иными словами, чтобы произвести субъекта, необходима вовсе не автономная активность, порождаемая изнутри (как считали философы Нового времени). Для этого, скорее, нужно принять факт того, что ты пассивный объект в действиях Другого, а затем совершить проекцию этой позиции на Другого. То есть по сути сперва создается место того, кто действует, а только потом субъект начинает с ним как-то идентифицироваться, пытаться его занять.

Интерпассивность здесь выступает как исчезающий логический посредник и первый шаг субъективации (представить себя тем, кто делегирует свое удовлетворение другим), который будет вытеснен в дальнейшем конститутивной фантазией об автономии и активности моего Я. Психологи и теоретики лакановской ориентации также используют концепцию интерпассивности, делая акцент на соотношении наслаждения и Другого в клинических случаях или при анализе современного общества. В подобном взгляде интерпассивность позволяет увидеть сложную динамику взаимоотношений субъекта с Другим и объектом, особенно в ставших повседневными практиках (например, во взаимодействии с соцсетями, гаджетами и т. д.), где наряду с сознательным выбором присутствуют и бессознательные побуждения. Как отмечает психоаналитик Айтен Юран в статье «Повседневность и интерпассивность»⁴, интерпассивность структурно напоминает описание «первофантазии» у Фрейда, так как дает субъекту определенное алиби («это Другой наслаждается, а не я»).

⁴ Юран А. Повседневность и интерпассивность // Лаканалия. Журнал Школы психоанализа Фрейда-Лакана (freud-lacan.spb.ru), № 4, 2010. URL: <https://freud-lacan.spb.ru/lakanaliya/4-2010-plyushevyy-mishka/ajten-yuran-povsednevnost-i-interpassivnost> (дата обращения: 13.11.2022)

Трансформация понятия интерпассивность в более поздних использованиях

Именно эти три темы и остаются пространством, показывающим эвристику понятия, и поэтому выход за их рамки проблематичен. Не обладая психоаналитическим бэкграундом, многие исследователи пытаются совместить интерпассивность с другими критическими дискурсами (критика идеологии и отчуждения, критика капитализма, критика неаутентичности). Но мешать воедино разные дискурсы только потому, что они обладают критическим потенциалом, – путь к эклектике и потере ценных концептуальных нюансов.

Посмотрим на примеры более широкого использования этого понятия у ряда авторов.

Концепция интерпассивности использовалась чешским социальным антропологом Терезой Кулдовой для изучения современного экономического поведения. В частности, она изучала модные тенденции на рынке роскоши в Индии [Kuldova, 2016], майнинг криптовалют и феномен «кароси» (японское название смерти от переработки) [Kuldova, 2018]. Однако Кулдова понимает делегирование как отчуждение, и поэтому для нее любой интерпассивный феномен превращается в потерю и доступа к удовольствию, и самостоятельности. Изначально концепция не предполагала такой однозначности: в ряде случаев интерпассивность – способ преодоления отчуждения, а не его проявление. В этом плане интерпретация кароси как интерпассивности попросту избыточна, для этого существуют более явные психоаналитические представления – о влечении к смерти или о прибавочном удовольствии. Сама Кулдова видит в этом только внешнее принуждение культурно-экономической обстановки, не замечая принципиальной проблемы в том, что такое принуждение должно быть еще и внутренне опосредовано субъектом.

Другой пример использования концепции можно найти в работах Яна Ягодзински, например, «Визуальное искусство и образование в эпоху дизайнерского капитализма: деконструкция орального глаза (образование, психоанализ и социальная трансформация)» [Jagodzinski, 2010]. По его мнению, оральная метафора поглощающего господства дизайнерского капитализма, которому характерно потребление эстетики в качестве экранов захвата внимания. Ягодзински развивает понятие интерпассивности для прояснения современных арт-практик, прежде всего авангардных (где есть не только активность художника, но и пассивное переживание опыта, получаемого от зрителей). В поздних работах он использует термин «технологическая интерпассивность» в рамках эстетики, но считает важным критику этого понятия как пессимистичного в плане борьбы с капитализмом [Jagodzinski, 2012]. Зачем, однако, нужно подобное уточнение («технологическая») неясно, так как интерпассивность – это определенным образом структурированные переживания и мысли, а не сами структуры.

В критической теории и политической философии попытку адаптации термина предпринял Гийс Ван Унен [Van Oenen, 2006]. Вслед за Пфаллером он соотносит интерпассивность с постэмансипаторным состоянием. Ван Унен, анализируя развитие демократических институтов и общественных практик, фиксирует значительный сдвиг: после 60-70-х с активным призывом к преобразованию и эмансипации в 80-90-е гг. на сцену выходит либеральный индивидуализм, очень скоро

оборачивающийся определенного рода усталостью общественных масс. Концепция интерпассивности как раз позволяет ухватить тягу большей части общества делегировать или отдать на аутсорс неким активистам борьбу за важные содержания и принципы. Необходимость же активно участвовать в этом самому очень быстро приводит Я современного человека в состояние подавленности и стресса. Более того, Ван Унен предлагает очень глубоко переосмыслить взгляд на саму активность в политике, которая всегда оказывается амбивалентной. Именно поэтому призывы к большей активности, включенности или автоматизации участия могут иметь крайне серьезные и нежелательные последствия в политической жизни [Там же]. В этом плане Ван Унен остается верен логике концепции, заданной Пфаллером.

Наибольший интерес к интерпассивности проявили исследователи современных медиа: этот термин пытаются осмыслить как указание на скрытую сторону взаимодействия человека с интерактивными медиа – например, Мия Йошида в анализе способов использования мобильной телефонии [Yoshida, 2008]. Йошида отмечает, что массовый опыт использования мобильных телефонов активно пытаются осмыслить современные художники в арт-проектах и перформансах, посвященных демократии, глобализации, коллективному искусству, новой технической эстетике. При этом большая часть из них обращается к вопросу «участия» [Yoshida, 2006, p. 227], признавая, что термин «интерактивность» крайне неудачен для описания той пассивности, что обнаруживают в нас новые медиа. Нельзя не отметить, что тема участия и со-участия медиа-аппаратов в восприятии и производстве сообщения считается одной из ключевых в современной философии медиа [см. Mersch, 2010]. Однако стоит снова заметить, что в трактовке интерпассивности художники и исследователи медиа слишком явно делают акцент на пассивности, так что в итоге зачастую речь идет лишь о коллективном опыте зависимости и пассивности при пользовании медиа-устройствами, а не о интерпассивности как таковой.

Актуально понятие интерпассивности и для описания активности в социальных сетях, перспективно использование понятия в *game studies* для изучения игрового опыта, что показывают работы Сони Физек [Fizek, 2008] и обращаясь к ее идеям М. А. Подвального [Подвальный, 2018].

Критика апроприации понятия интерпассивности критическим и гуманистическим дискурсами

Широкие трактовки понятия интерпассивность в критической теории и у современных художников, арт-кураторов и др. ведет к тому, что общий смысл концепции мутирует в представление о навязывании некоторого опыта извне пассивному субъекту. Корректность такой интерпретации не только сомнительна, но лишает понятие его эвристической ценности.

Когда современный критик сводит интерпассивность к «изнаночному» феномену (то, что выявляет скрытое интерактивностью), то напрашивается логичный вопрос: разве это не описание механизма (критики) идеологии? Интерпассивность – это не сведение человека до объекта неким внешним институтом/струк-

турой, напротив она позволяет говорить о том, как субъект сохраняется там, где на первый взгляд он подвергается манипуляции Другого. Важное отличие также и в том, что критика идеологии настаивает на осознании субъектом его положения и манипуляций языка идеологии, в то время как сохранение субъекта и его удовольствия в интерпассивных феноменах существует (и это более частый случай) в разных формах практики, в том числе без всякого осознания.

Поэтому даже в словарях мы встречаем крайне спорные определения, в том числе такое: «Интерпассивность – феномен, обозначающий лишенность человека аутентичного опыта наслаждения»⁵. Проблема такого определения в том, что в психоанализе, от которого отталкивались Пфаллер и Жижек, нет и не может быть понятия «аутентичный опыт», а тем более «наслаждения». Во-первых, потому, что наслаждение (*jouissance* по Лакану) – это не удовольствие, это интенсивный опыт, который может переживаться и как страдание, принуждение. Во-вторых, дискурс аутентичности происходит из феноменологии и экзистенциализма, а они находятся в серьезных разногласиях с психоанализом по многим вопросам. Собственно, основная идея интерпассивности не в «лишенности», а напротив, в сохранении связи с тем, что оказывается воплощено во внешнем. В области наших отношений с миром и технологиями есть что-то такое, что нельзя устранить, потерять (область симптомов и удовольствий) – и это область, которая явно противоречит рамке «аутентичное / неаутентичное». Делегировать – значит, сделать из кого-то передатчика своих интересов, а не потерять. Как отмечает Жижек в примере с закадровым смехом, даже если мне не смешно, я все-таки чувствую себя отдохнувшим после просмотра такого шоу или фильма.

Как уже отмечал Теодор Адорно в критике «жаргона подлинности», столь явный акцент на деление аутентичного и неаутентичного наделяет скрытой идеологической функцией – критикуя проявления культуры, сам он при этом консервирует существующий социальный порядок, так как переносит всю ответственность на самих индивидов [Адорно, 2011]. Более того, излишняя попытка навязать гуманистическое звучание понятию интерпассивности в итоге оборачивается обратным – теоретической виктимизацией субъекта. Если описывать человека в современной культуре как жертву или пассивный объект, у которого что-то отнимают (на постоянной основе, в силу его погруженности в культуру и медиа), то такой дефицитарный образ становится нормой. Психоанализ и философия Пфаллера выступают против подобных теоретизаций с негативными эффектами, поэтому и понятие интерпассивности лучше рассматривать «по ту сторону» гуманизма. В самом деле, разве не идеологичен сам жест, в котором что-то «странное удовольствие» (например, делегированное овнешняющей практике) вдруг начинают называть, а по сути оценивать как «неподлинное»? А кто вправе решать подобное, кроме как сам субъект?

Попытка тесно связать интерпассивность с необходимостью гуманизации социальных практик ведет к переносу акцента на отчуждение или идеологическое воздействие в феноменах интерпассивности. Подобное смещение делает понятие интерпассивности в таком рассмотрении излишним. Кроме того, риторика ау-

⁵ См.: Интерпассивность (3 июля 2018). Русскоязычная свободная энциклопедия «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интерпассивность> (дата обращения: 13.11.2022).

тентичности/отчуждения теряет из виду вопрос о появлении субъекта, эффекты удовольствия и его присвоения (изначально определяющие суть понятия интерпассивность).

Прояснив истоки и развитие понятия интерпассивности, можно обнаружить, что с ростом популярности этого понятия происходят процессы смешения и смещения в его понимании, часто в сторону явного искажения. Риторика аутентичности, отождествление с отчуждением и простые противопоставления интерактивности хотя и призваны сделать понятие более читаемым, вписанным в уже хорошо развитую проблематику, на деле устраняют эвристическую значимость понятия, позволяющего делать акцент на бессознательные сценарии удовольствия и коллективные формы верования. По этой причине стоит определять данный феномен не через отчуждение, а через «делегирование веры/удовольствия», «связь с другим/Другим», «проблему имплицитного требования и освобождения», а также в детальном сопоставлении разных объяснительных моделей с теориями и материалами антропологических исследований. В конечном счете, многие ограничения прежних концепций как платформ для исследования общества и медиа, так и для критики современности, давно и хорошо известны. Следовательно, подвывая интерпассивность под те же самые концептуальные ходы, мы не только ничего не получаем, но и теряем возможность взглянуть по-другому на актуальные проблемы современных медиа.

Список литературы

- Адорно Т. В.** Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / Пер. с нем. Е. В. Борисова. М.: Канон+, 2011.
- Кудряшов И. С.** Феномен фуд-порн: философский и психоаналитический взгляд на современные алиментарные практики // Сиб. филос. журн. 2021. № 19(4). С. 34–51.
- Жижек С.** Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005.
- Подвальный М. А.** Интерактивность и интерпассивность геймеров в видеоигровых практиках // Вестн. РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 8(41). 2018. С. 112–133.
- Пфаллер Р.** Ради чего стоит жить. Начала материалистической философии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018.
- Рошка А. В.** Концепт «интерпассивность»: генезис и концептуализация // Гуманит. акцент. № 2. 2018. С. 55–60.
- Эко У.** Как написать дипломную работу. М.: Книж. дом «Университет», 2003.
- Fizek S.** Idle Games to (Dis)play. From Interactivity to Interpassivity // Transactions of the Digital Games Research Association. 2018. vol. 3. № 3. P. 137–163.
- Jagodzinski J.** Interrogating Interpassivity // Continental Thought & Theory: A Journal Of Intellectual Freedom. 2012. Vol. 2. Issue 1. P. 270–297.
- Jagodzinski J.** Visual Art and Education in an Era of Designer Capitalism: Deconstructing the Oral Eye. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2010.
- Kuldova T.** Luxury Indian Fashion: A Social Critique. L.: Bloomsbury, 2016.

- Mersch D.** Meta/Dia. Zwei unterschiedliche Zugänge zum Medialen // *Zeitschrift für Medien und Kulturforschung: Medienphilosophie*. 2010. № 2. P. 185–208.
- Pfaller R.** *Interpassivität: Studien über delegiertes Geniessen*. Wien ; New York: Springer, 2000.
- Pfaller R.** *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2017.
- Van Oenen G.** A Machine That Would Go of Itself: Interpassivity and Its Impact on Political Life // *Theory & Event*. 2006. Vol. 9. Issue 2. P. 123–144.
- Yoshida M.** Interactivity, Interpassivity and Possibilities Beyond Dichotomy // Eckhardt F., Geelhaar J., Colini L. et al. *MediaCity: Situations, Practices and Encounters*. Frank & Timme Literatur, 2008. P. 57–80.
- Yoshida M.** *The Invisible Landscapes: The Construction of New Subjectivities in the Era of the Mobile Telephone*. Lund University, 2006.

References

- Adorno T. V.** Zhargon podlinosti. O nevezkoi ideologii. Moskva: «Kanon+», 2011. (in Russ.)
- Eko U.** Kak napisat diplomnuu rabotu. Moscow: Book house «Universitet», 2003 (in Russ.)
- Fizek S.** Idle Games to (Dis)play. From Interactivity to Interpassivity. *Transactions of the Digital Games Research Association*, 2018, vol. 3, no. 3, pp 137-163.
- Jagodzinski J.** Interrogating Interpassivity. *Continental Thought & Theory: A Journal Of Intellectual Freedom*, 2012, vol. 2, issue 1, pp. 270–297.
- Jagodzinski J.** *Visual Art and Education in an Era of Designer Capitalism: Deconstructing the Oral Eye*. New York: Palgrave MacMillan, 2010.
- Kudryashov I.** Fud-Porn: Filosofskii i psihoanaliticheskii podhody k sovremennym alimentarnym praktikam. *Sibirskii Filosofskii Zhurnal*. Novosibirsk: IPC NGU, 2021, 19(4), pp. 34-51 (in Russ.)
- Kuldova T.** *Luxury Indian Fashion: A Social Critique*. London: Bloomsbury, 2016.
- Mersch D.** Meta / Dia. Zwei unterschiedliche Zugänge zum Medialen. *Zeitschrift für Medien und Kulturforschung: Medienphilosophie*, 2010, no2, pp. 185-208.
- Pfaller R.** *Interpassivität: Studien über delegiertes Geniessen*. Wien; New York: Springer, 2000.
- Pfaller R.** *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.
- Pfaller R.** Radi chego stoit zhit. Moscow: Publishing of Gaidar Institute, 2018. (in Russ.)
- Podavalniy M. A.** Interaktivnost I interpassivnost geimerov v videoigrovyyh praktikah. *Vestnik RGGU, seria «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»*, 2018. pp. 112-133. (in Russ.)
- Roshka A. V.** Kontsept “interpassivnost”: genesis i kontseptualizatsia. *Gumanitarnii aktsent*, №2, 2018. pp. 55-60. (in Russ.)
- Van Oenen G.** A Machine That Would Go of Itself: Interpassivity and Its Impact on Political Life. *Theory & Event*. 2006, vol. 9, issue 2, pp. 123-144.

- Yoshida M.** Interactivity, Interpassivity and Possibilities Beyond Dichotomy. In: Eckhardt F., Geelhaar J., Colini L., Willis K. S., Chorianopoulos K., & Henning R. MediaCity: Situations, Practices and Encounters. Frank & Timme Verlag für Wissenschaftliche Literatur, 2008, pp. 57-80.
- Yoshida M.** The Invisible Landscapes: The Construction of New Subjectivities in the Era of the Mobile Telephone, Lund University, 2006.
- Zhizhek S.** Interpassivnost ili Kak naslazhdatsa posredstvom drugogo. Sanct-Peterburg: Aleteya, 2005. (in Russ.)

Информация об авторе

Иван Сергеевич Кудряшов, кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета;
доцент кафедры философии факультета социальной работы и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета

Information about the Author

Ivan S. Kudryashov, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University;
Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of Social Work and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University.

*Статья поступила в редколлегию 01.11.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 16.01.2023*

*The article was submitted 01.11.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 16.01.2023*